

Мин. газет, школ, 1968, 10 мая, № 28

ЭТОТ телевизионный фильм смотрели десятки миллионов людей, и вряд ли он кого-нибудь оставил равнодушным.

«Операция «Трест» Сергея Колосова, снятая оператором Валентином Железняковым, не обычный телекентавр, а нечто иное, ибо в нем соединились не только два начала — театральное и кинематографическое.

Что-то от документальной передачи, ну, просто от такой, когда диктор читает по бумаге. Что-то от обыч-

мы, что строила первый московский трамвай, меняется ритм движения... На наших домашних экранах — кинохроника Москвы двадцатых годов. Кинохроника Берлина. Кинохроника Парижа. Потом крупный план. Актеры. Диалог. Интерьер. Интервью.

Примем этот иногда назойлив, порой неискрен. Но большей частью естествен, удивительно точен. Здесь они ходили, только что прошли...

Они — это герои «Операции «Трест», поразитель-

лович Петров, полковник Советской Армии.

В фильме два эти человека не встречаются. Но одно лишь сопоставление двух, участников драматической коллизии редко напряжения являет собой конфликт нового жанра. И когда думаю, на чем же вообще держится драматическое напряжение в этом фильме, то прихожу к неожиданному выводу. Не детектив — первопричина захватывающего зрителя волнения. (Хотя это, несомненно, и детектив.) А судьбы живших и еще живущих людей. Не только «что будет дальше», а «как было потом» — вот фокус внимания и сочувствия.

Для лучшей «стыковки» кинохроники, актеров, изображающих участников этой поразительной истории, и самих участников, еще живущих сегодня, вводится фигура ведущего.

Роль ведущего исполнил один из старейших деятелей нашего театра — профессор Л. Ф. Макарьев. Важны не только его комментарии, но и его отвлечения «в сторону», в свои воспоминания. Это создает воздух доверия.

Актеры... Тут нужна своеобразная, театроведением еще далеко не исследованная пристройка их к хронике и к реальным

Якушева и Артузова, составляют ансамбль, работают в одной, если позволительно ввести этот термин, хроникальной манере. Это А. Софонов в роли помощника Артузова Стырне. Это Г. Некрасов в роли бывшего генерала царской армии Потапова, теперь командира Красной Армии. Это В. Кольцов в роли князя Тверского. (Роль маленькая, почти эпизодическая, но превосходно исполненная.)

Группа актеров, изображающих людей враждебного лагеря, не столь една по своей манере. Да и становясь не всегда ставит этих актеров в условия, когда возможна только «хроникальная» и никакая другая манера.

Лидера и связную группы белых террористов Марию Захарченко сильно и страстно играет Л. Касаткина. Женщина — казачий офицер безумной храбрости, она напоминает боевиков Савинкова времен разгула эсеровского террора. Преследование Захарченко, ее последнее «сражение», выстрел в себя — один из сильнейших эпизодов фильма.

Собран и цепок барон Врангель в исполнении М. Погоржельского. Г. Гай

Д. А. ЖАНР телевизионного многосерийного фильма у нас рождается только что, на наших глазах.

Скажут: телевизионные фильмы снимают по меньшей мере лет пятнадцать. Снимают. Но до недавнего прошлого это были обычные фильмы, только победнее, и не раз бедность и выдавалась за телеспецифику. Или это были перенесенные на пленку спектакли. Или помесь того и другого, то есть как раз кентавр.

Сергей Колосов — энтузиаст многосерийного телевизионного фильма. После пяти серий «Вызываем огонь на себя» очень быстро обнародованы четыре серии «Операции «Трест», каждая примерно по восемьдесят минут продолжительностью. Кстати говоря, многосерийные телефильмы актерам дают обширные возможности создания «всей жизни» своего персонажа, которого как бы вводят в дом телезрителя почти на правах члена семьи.

Эффект, художественное воздействие такого соприутствия персонажа трудно оценить. Во всяком случае, оно несравнимо ни с чем из известных нам зрелищных искусств. Не говорю здесь о знании этого

А. Джигарханян — Артузов

УРОКИ «ОПЕРАЦИИ «ТРЕСТ»

А. СВОБОДИН

ной кинохроники. Что-то от исторических изысканий, результаты которых сообщает ученый. Что-то от реалистической драмы. От литературного театра. От театрального гротеска. От немого фильма. От мелодрамы давних лет... Можно перечислять и дальше, но, странно, главное определение не нашупывается, а целое между тем не рассыпается. Целое, несомненно, существует. Это, очевидно, сложный конгломерат, в который уже пересажено сердце, оно бьется там, внутри. Ну что ж, рождение жанра...

НЕУЖЕЛИ это так и было?

Герои «Операции «Трест» ходили здесь, по этим московским площадям и улицам, по которым ходим мы с вами. Они боролись, страдали, сомневались и верили. А вот эти люди, что обращаются к нам с экрана, знали их, участвовали в тех событиях? Да, несомненно. Они стары, их речь затруднена, но то, о чем они рассказывают, для них — реальность...

В фильме часто повторяется такой прием. Показываются какая-нибудь улица или площадь Москвы в современном ее виде, в современном ее ритме, с людьми, с нами, снующими по своим делам, в наших современных одеждах, среди сегодняшних авто. И вдруг незаметно что-то меняется. Изменяются одежда, колорит стен, системы авто, возникают трамвайчики еще той бельгийской фир-

мой по замыслу, смелости, размаху операции, проведённой в начале двадцатых годов ВЧК — ОГПУ Феликса Дзержинского. Сценарий А. Юровского опирается на роман-хронику Льва Никулина «Мертвая зыбь». Но лишь опирается, он несравненно более документален, а главное, написан в иной нравственной интонации.

Сущность операции состояла в том, что одна из главных монархических контрреволюционных организаций, действовавших на территории Советской России, была превращена в систему, находившуюся под полным контролем советской контрразведки, и оттягивала на себя и обезвреживала таким образом значительные, если не главные силы контрреволюционной, монархической белой эмиграции.

Через «окно» в границе, созданное «Трестом», прошел главарь ярославского мятежа, один из величайших политических авантюристов Борис Савинков. Через это «окно» виртуоз британской разведки Сидней Рейли попал непосредственно к чекистам. Через такое же «окно» был пропущен и выпущен обратно известный монархический деятель Василий Шульгин. Он сам рассказывает об этом в фильме.

Но еще раньше об этом же самом рассказывает подлинный хозяин одного из «окоп», бывший начальник погранзаставы Сестрорецкого пограничного отряда Тойво Вяхи, после 1925 года Иван Михай-

людям. Не игра «под хроникой», а хроникальность игры. Способность к такой пристройке в полной мере обнаружил Игорь Горбачев в роли Якушева. Кажется, что он и Армен Джигарханян могут играть на улице со случайными прохожими, беря их в качестве партнеров.

Якушев Горбачева не просто образ старого специалиста, в недавнем прошлом принадлежавшего к высшим сферам российского общества. За ним встают литераторы, юристы, инженеры-путейцы, земские врачи, профессора-филологи... В октябре семнадцатого года им показалось, что разрушалась Россия, «исчезал» русский народ, кончалась веками накопленная культура. «Великая смута» отражается и в образе Якушева... Он переживает сложный духовный процесс, оценивает, проверяет самого себя и как честный человек все решительнее осуждает белую эмиграцию. Так он приходит к Артузову, начальнику контрразведывательного отдела ВЧК.

Образ, созданный Арменом Джигарханяном, не менее собирателен, нежели образ Якушева. За этим стойким, но поразительно... нет, не мягким, а уставшим до предела, может быть, пораженным туберкулезом человеком — Свердлов, Дзержинский, Чичерин, Луначарский, Скворцов-Степанов... — интеллигент высшего класса, озаренные неслыханной, пророческой идеей.

Почти все актеры, играющие людей, окружающих

А. Адоскин — Радкевич и Л. Касаткина — Мария Захарченко.

подчеркивает в генерале Кутепове азарт и самомнение выродившейся гвардейской касты. И одну из самых страшных разновидностей монархического подполья — холодного и расчетливого убийцу, человека-ненавистника — представляет известный литовский актер Донатас Банионис.

Режиссер собрал здесь, как и вообще в фильме, очень сильных актеров с резкой индивидуальностью. Смысл этой группы — представить энциклопедию типов белого движения в двадцатые годы. Здесь есть издержки, но надо отдать должное авторам телефильма — с такой серьезностью, разнообразием и широтой, с таким стремлением к достоверности эта область нашей истории давно уже не показывалась...

воздействия. Знак, конечно, может быть и отрицательным. Опыт зарубежного, в частности американского, телевидения показывает, что в жизнь телезрителей может втереться персонаж пошлый, участвующий в бесконечно примитивной, бесконечно длинной, но «лихо закрученной» истории. (Помните, Маяковский писал об «Атлантиде» Бенуа: «...Дрянная ужасная. Оторваться не могу». Это, право же, о таком телевидении!)

Жанр телевизионного фильма выходит из стадии школярства. Он уже показывает те качества, которые недоступны художественному кинематографу и театру, — его природителям. И неизбежно возникает «обратная связь»: телефильм обогащает технологию и арсенал экрана и сцены.